

* * *

Хочу туда, где тропки узки,
И необъятен небосвод,
Где так приветливо, по-русски
Берёзка встретит у ворот.

Где росы дремлют на манжетках,
Мохнатый клевер лиловат,
И где под крылышком наседки
Пригрелся выводок цыплят.

Где кошка, рыжая Авдотка,
Приходит в гости, как домой,
Где на шести садовых сотках —
Весь мир. И сложный, и простой.

Чёрные грузди

Знаю я тихое место
Возле колючих ветвей.
Только ни взглядом, ни жестом
Тайны не выдам своей.

Там, где еловые сучья,
Словно олени рога,
Где муравьиные кучи
Тронуть не смеет нога —

Вот он, в засоле хрустящий,
Вкусный трофей грибника,

С чёрною шляпкой блестящей,
Мокрой, как нос у щенка!

Жаждет ему поклониться
Каждый заядлый грибник.
Острые хвойные спицы
Сыплются за воротник.

Всё соберу до груздочка,
Хоть онемела спина.
Будет дубовая бочка
Пряным соленьем полна!

Лунная дорожка

Вперёд, назад, наискосок
Немало пройдено тропинок,
Больших и маленьких дорог,
А сколько стоптано ботинок!

На эту — лунную — встаю,
Смеясь от радости, босая.
Рывок вперёд — и плоть мою
Ласкает влага золотая.

Желтеет яркая луна,
Как тонкий ломтик бергамота,
А я плыву совсем одна,
Воды целую позолоту.

Перевернувшись, на спине
Лежу, объятая сияньем...
И так легко, спокойно мне
Под лунным светом мирозданья!

* * *

Тонет солнце в январских сугробах,
Убегает в пролесок лыжня,
Затеряться бы в ельнике, чтобы
Никогда не нашёл ты меня.

Поселиться б навек в глухомани,
Где в наличниках белых — изба,
Где с берёзовым веником — баня,
А над банькой дымится труба.

Там клесты, снегири и синицы
На снегу оставляют следы.
Я насыплю вам семечек, птицы,
Я напьюсь родниковой воды.

Я забудусь, счастливый подранок,
И в разлуке найду благодать.
Ну не радость ли — встать спозаранок
И прохладу берёзы обнять!

Душица

В закатном свете твинькнет зяблик,
Забьётся ящерка под пень,
И солнцу цвета спелых яблок
Сиять на небе станет лень.

Душица охнет под ногами.
Живи, не бойся — не сомну.
Хочу с тобою, дорогая,
Лесную слушать тишину.

Давай затихнем в сладкой дрёме,
Забудем нервность суеты.
Пусть зверобой стоит на стрёме,
Пока в обнимку я и ты.

Всё, что тревожило, сердило,
Пусть улетает на века
Туда, где сонное светило
Целует облаку бока.

Снежная баба

Она стояла, чуть косая,
Неописуемо бела,
Овальным боком прикасаясь
К шершавой палке помела.

Ворчала, хмуρο сдвинув бровки,
Она же баба, наконец:
«Опять воткнули нос-морковку,
А мне хотелось — огурец!

Позвольте, разве это шляпа?
Дырявый таз, ни дать ни взять.
И как не стыдно, Шарик, лапу
Пред снежной леди задирать!

Невыносимо одиноко,
Уснуть, забыться бы на миг.

О, где же ты, мой белобокий,
Мой добродушный снеговик?»

И задремала под ворчанье,
Своих создателей коря,
Доверив женские печали
Немым сугробам января...

Пороюсь в стареньком комоде,
Где ярких тряпок – вороха.
Одену снежную по моде,
Слеплю ей завтра жениха.

Вдвоём им будет не до скуки
Среди рождественских огней.
И станет княжество разлуки
На одиночество бедней.

* * *

И снова снег — вот невезуха!
Упала в обморок весна.
Теплом обласканная муха
Опять забила в щель окна.

Колочий снег кусает лица,
Галопом мчит по мостовой.
Куда, куда же мне забиться
От этой крупки снеговой?

По бесконечной белой жиже
Умчусь от чёрных облаков.
Повыше — шарф, колпак — пониже,
Почаще — цокот каблуков.

Крылечко, дверь... Вбегаю юрко
И млею в ласковом тепле.
Как хорошо, что есть конурка
У всех озябших на земле.

Золотая пыльца

Одуванчик-трава, оккупант огорода,
Улыбается мне у ступенек крыльца.
Я вдохну аромат горьковатого мёда,
И напудрит мне нос золотая пыльца.

Золотая пыльца — на весёлых веснушках.
Я стеснялась их зря, а теперь не стыжусь,

Потому что сейчас ты сказал мне на ушко,
Что лицом я светла, как пресветлая Русь.

Млечный сок на руке оставляет кружочки.
Ты целуешь ладонь, а потом локоток,
Ты губами скользишь от ключицы до мочки...
И роняю в траву я смущённый цветок.

Молчальница

Ненастье перебесится
И сгинет без следа.
В качалку полумесяца
Уляжется звезда.

И в платьице холстинковом —
Другого не дано —
Я звёздной паутинкою
Опутаю окно.

Полночная молчальница
Не вымолвит словцо,
Лишь сонно закачается,
Объятая ленцой.

Пленённую бессонницу
Стихами напою...
Всё будет, всё исполнится
У счастья на краю.

Банный день

Горячая испаринка,
Струясь, со лба течёт.
Плесну воды на каменку,
Чтоб было горячо!

Ни страха, ни смущения —
Плыву, обнажена.
До головокружения
Пронзает тишина.

От веника пахучего
Кружится голова.
За дверцею скрипучею —
Высокая трава,

В предбаннике бревенчатом —
И сухо, и светло.
Тюрбанчик полотенчатый
Спустился на чело.

Кипрей, вьюнок извилистый,
Тенистая ветла...
Прохлада речки илистой
Меня обволокла.

Заварка из лабазника
Прогонит хворь и лень.
За ощущение праздника
Люблю я банный день!

Две звезды

Вновь касатки не тянутся ввысь,
Лишь вороны кричат оголтело...
И сказала любовь: «Оглянись!
Хлопать дверью — последнее дело.

А тебе, дорогая, дано
Быть всегда терпеливой и нежной.

Быть душистым цветку суждено,
Злой колючке — лепиться к одежде,

Я лишь те согреваю дома,
Над которыми светят в ненастье
Чуткость сердца и мудрость ума —
Две звезды из созвездия «Счастье».

Вишня

Ревность сыплет соль на ранку,
Отбуянит — и в бега.
Утром я с тобой — зарянка,
А под вечер — пустельга.

Я остыну постепенно,
Словно печка поутру.
Разногласья злую пену
Покаянно ототру.

Гнев — помощник никудышный.
Я с помощником — на «ты».
Как поклёванные вишни,
Сохнут сгустки доброты.

Обниму тебя несмело.
Не отдам тебя другой.
Хочешь вишни — сладкой, спелой?
Угощайся, дорогой!

Муха

Теплом обласканная муха
С утра жужжит навеселе.
И мне не хватит силы духа
Её прихлопнуть на стекле.

Пускай летит к своим заботам,
Пускай звенит во славу дня...
И, может быть, когда-то, кто-то
Так пожалеет и меня.

Счастье

Несла сорока на хвосте
Мне счастья женского немного
Да заблудилась в темноте
И перепутала дорогу.

Страхнула ношу не со зла,
А по беспечности сорочьей.
И упорхнула, весела,
Себя заботой не мороча.

Лежало счастье в лопухах
И озиралось сиротливо,

Сквозь боль падения и страх
Пыталось выглядеть счастливым.

Ища маршрут счастливых трасс,
Купая сердце в рьяной вере,
Я проходила много раз
В двух сантиметрах от потери.

И было сердцу невдомёк,
Когда рвалось оно на части,
Что пыльный маленький комок —
И есть потерянное счастье.

* * *

Ещё синеют васильки,
Ещё нам дарит бабье лето
Тысячелистника венки
И пижмы жёлтые букеты.

Но уж смородина сошла,
Варенье варится из тёрна,

А это значит — два крыла
Над нами осень распростёрла.

И посылает тихий знак,
Что скоро слякоть и ненастье...
Так и в любви — всего лишь шаг
От одиночества до счастья.

Шаль

За прозрачной занавеской
Мрак и тишина,
Да струится холод дерзко
В щёлочку окна.

Вроде пышут батареи
Преданно огнём...
Приходи ко мне скорее
Ночью или днём.

Мёрзну даже в тёплой шали,
Пальцы — в рукава.
Вроде окна утеплили
К свету Покрова.

Будет тихо шаль на кресле
Время коротать...
Ты меня согреешь, если
Не устану ждать.

Ради нас

Ради нас — и лопух придорожный,
И тюльпана лиловый бокал,
И заря, что легла осторожно
На безмолвие водных зеркал;

И кузнечик, что вечно стрекочет,
И пчелы неуёмная прыть,
И горластый задиристый кочет,
Что мечтает летающим быть...

И коровы дородное вымя,
И доверчивый пульс родника,
И певучее Родины имя
Не на час, не на год — на века.